

АНАЛИТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Мировая политика как инструмент управления новой системой международных отношений

М.Л. Лагутина

Лагутина Мария Львовна – к.полит.н., старший преподаватель, факультет международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета; E-mail: manipolis@hotmail.com.

Ключевые слова: глобальное управление, мировая политика, международная политика, глобальная система, глобальная стратификация, взаимозависимость, глобализация, глобальные проблемы, актор, международные институты.

Key words: global governance, global politics, international politics, global system, global stratification, interdependence, globalization, global problems, actor, international institutions.

В статье анализируется инструменталистский потенциал мировой политики в условиях нового состояния мировой политической системы начала XXI в. – глобальной стратификации. Рассматриваются возможные варианты применения мирополитического инструментария на основе уже существующих институтов управления.

Термин «мировая политика» широко востребован и активно дискутируется в современной российской науке. Несмотря на то что основной массив идей и публикаций по проблематике мировой политики пришел с Запада¹, становление мировой политики как самостоятельной научной дисциплины характерно преимущественно для российских политических исследований. В результате сегодня мировую политику определяют как новое научное направление и как новую учебную дисциплину. Итак, можно говорить о становлении науки «мировая политика»: «Мировая политика – это огромное целостное явление, охватывающее весь Земной шар, его поверхность, недра, литосферу и космос. Наука “мировая политика” – это система знаний, их распространения и применения в отношении процессов, затрагивающих интересы всего мирового сообщества» [1, с. 5]. Формирование нового самостоятельного научного направления связано прежде всего с отходом международных отношений от практики двусторонних взаимоотношений и с активизацией большого количества негосударственных акторов в мировом сообществе². Что касается учебной дис-

циплины «мировая политика», то еще во второй половине 1990-х годов в ряде российских университетов были созданы новые научные структуры, которые начали заниматься исследованием вопросов мировой политики (например, факультет мировой политики Московского государственного университета; кафедра мировых политических процессов факультета политологии Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД Российской Федерации; кафедра мировой политики факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета; кафедра мировой политики и международного права на факультете международных отношений Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского и т.д.). В российской политической науке уже сформировался определенный круг вопросов, которые принято относить к мирополитической проблематике: проблема становления новой системы международных отношений, появление и деятельность новых акторов мировой политики, глобализация и глобальные проблемы современности, интеграционные и дезинтеграционные процессы, новые аспекты международной безопасности, религиозный, лингвистический факторы и т.д. Появились пер-

¹ Термин «мировая политика» был введен в научный оборот в США в 70-е годы XX в. благодаря фундаментальному исследованию Дж. Ная-мл. и Р. Кеохейна (1999), в котором американские исследователи изложили концепцию «глобального взаимодействия».

² До сих пор вопрос о соотношении теории международных отношений и теории мировой политики – один из наиболее дискуссионных в современной российской политологической науке. В начале 2000-х годов на страницах ведущих российских научных журналов развернулась дискуссия по поводу определения предметного

поля мировой политики. Например, журнал «Международные процессы» публикацией статьи А. Богатурова (2004) открыл на своих страницах научную дискуссию по проблеме определения предмета мировой политики, параллельно дискуссия была поддержана журналом «Полис» (в дискуссии приняли участие М.М. Лебедева, А.Ю. Мельвиль, Н. Косолапов и др.).

вые отечественные учебники, учебные пособия, монографии по мировой политике (М.М. Лебедевой, С.А. Ланцова и В.А. Ачкасова, А.Д. Богатурова и др.).

Однако понятие «мировая политика» связано с еще одной важной проблемой современного мирового развития – проблемой управления. Здесь следует обратиться к значению слова «политика». Термин «политика» происходит от греческого слова *πολιτική*, которое в сочетании с глаголом (*η πολιτική επιτηρη*) означает «искусство управления государством и обществом». Таким образом, дословно словосочетание «мировая политика» можно интерпретировать как искусство управления мировым сообществом, в котором многочисленные государственные и негосударственные акторы образуют сложную систему взаимосвязей во всех областях их деятельности: от политической и экономической до культурной и информационной.

Многие исследователи, изучающие современные мирополитические трансформации, сходятся во мнении, что первое десятилетие XXI в. стало завершающей фазой переходного периода в эволюции международной системы – переходной от системы традиционных международных (межгосударственных) отношений к более сложной системе отношений впервые в мировой истории в глобальном масштабе [5, 7, с. 48, 30]. Соответственно период конца XX – начала XXI в. определяется этой группой исследователей как некий критический перелом, который каждый определяет по-своему: как «переходный возраст» [17, с. 66–75] или «точку бифуркации» [23]. Речь идет о качественных структурных преобразованиях мирового социума, об отходе от традиций Вестфальской системы межгосударственных взаимодействий и даже о разрушении государственно-центристской модели в результате активизации многочисленных негосударственных акторов, формирующих новые уровни (например, транснациональный) и формы взаимодействия (например, глобальные сети). Кроме того, наблюдается трансформация и расширение классических представлений о безопасности, конфликтах, способах их урегулирования, о соотношении внутренней и внешней политики и т.д. На практике же все выглядит не столь однозначно: скорее, произошло не полное разрушение Вестфальской системы, а «наложение новой конструкции международных отношений, новой архитектуры миропорядка и новых узлов противоречий на прежние конструкции и прежние конфликты» [9]. В итоге традиционные конфликты дополнились новыми (например, информационные войны), по-

явились новые источники напряженностей в мировой практике (например, международный терроризм), новые измерения безопасности (экологическая, информационная и т.д.), наметилось усложнение системы факторов, воздействующих на процесс формирования новой системы.

Традиционно, словно по инерции, многие российские и зарубежные исследователи, рассуждая о структуре миросистемных связей, формирующихся на рубеже XX–XXI вв., были склонны использовать так называемые «полюсные» определения (например, концепции Д. Мearшаймера, Дж. Айкенберри, Ч. Краутхэммера, Е.М. Примакова и др.). Так, на протяжении последнего десятилетия XX в. политологи по-прежнему рассуждали о «полюсах» и «оформляемых» ими международных порядках: «однополюсном», «двуполюсном», «многополюсном». При этом, продолжая рассматривать в качестве «полюсов» лишь национальные государства («великие державы», «сверхдержавы») [6, 26, 34]. Однако исходные положения «полюсной» модели мира более или менее адекватны, пожалуй, до конца XX в. – до момента, когда глобализация и сопутствующие ей тенденции (глобальная информатизация, демократизация и т.д.) не вступили в активную фазу. К концу первого десятилетия XXI в. изменилась природа международных отношений, и окончательно оформились следующие новые системные характеристики:

- 1) *бесполюсность и мультиакторность мировой системы XXI в.* – с одной стороны, по-прежнему проявляется ведущая роль крупнейших государств мира в структурировании политической системы мира, что выражается, в частности, в создании таких неформальных структур, как «Большая восьмерка», БРИК и т.д., а с другой стороны, наряду с группой ведущих государств активное участие в формировании мировой политической системы принимают международные институты, одновременно выступающие важным элементом новой системы, а также площадкой для согласования позиций все тех же ведущих государств мира, и все чаще государственных и негосударственных акторов (например, сотрудничество ТНК, НПО и национальных государств в рамках ООН);
- 2) *транснационализация* – процесс, во многом определяющий современное мировое развитие и обеспечивающий многоуровневость, взаимозависимость и взаимоуязвимость мировой системы XXI в.;

3) *взаимопроникновение внешней и внутренней политики;*

4) *наличие глобальных проблем и появление в мировой политике «новых вызовов и угроз»* – впервые в истории ставящих под угрозу само существование человечества, что подталкивает мировое сообщество к интеграции и обуславливает поиск новых форм сотрудничества мирового социума и новых инструментов управления мирополитическими процессами в условиях глобализации.

Указанные характеристики представляются объективными реалиями современного мирового развития, а следовательно, дают основания говорить о том, что переходный период в эволюции международной системы к началу второго десятилетия XXI в. в основном завершился.

Классическая Вестфальская международная система не была глобальной, поскольку, во-первых, основным ее элементом выступало исключительно национальное государство, а, во-вторых, мировое политическое пространство не представляло единое, взаимосвязанное целое вплоть до середины XX в. Однако в конце ее существования наметились первые шаги по формированию *первой в мировой истории глобальной политической системы* (например, глобальность отчасти просматривается в существовавшей во второй половине XX в. биполярной системе международных отношений). Итогом процессов глобализации второй половины XX в. «явилось завершение длительного процесса становления мира в качестве целостного, внутренне единого политического организма». Уже ко второй половине XX столетия «развитие каждой отдельной части (мирового политического организма. – М. Л.) было связано с состоянием мира в целом и, наоборот, состояние всей международной системы зависело от состояния дел в каждой отдельно взятой части и во всех вместе. Подобно тому как с великих географических открытий до конца XIX в. мир обрел экономическое единство, две мировые войны сделали его единым и политически... Отныне ни одна из сколько-нибудь значительных стран мира уже не могла развиваться анклавно, в политической самоизоляции и сознательной отстраненности от общемировых дел. Напротив, большинство ведущих государств стало стремиться активнее участвовать в международной политике, влиять на положение дел в самых отдаленных частях планеты» [8, с. 298]. На мировую сцену в качестве равноправных акторов международных отношений выходят

новые страны и регионы (США, СССР, Япония, Китай, африканские государства и т.д.), а также негосударственные акторы. Постепенно формируется новая транснациональная среда глобального взаимодействия (Дж. Най-мл. и Р. Кеохейн). Таким образом, под «*глобальной системой*» мы предлагаем понимать *объективно складывающуюся в эпоху глобализации систему глобального взаимодействия всех акторов мировой политики (государственных и негосударственных), основанную на совокупности доминирующих в мировой политике политических принципов, международных правовых норм и условий экономического и информационно-технического обмена, которые формируются под воздействием объективных процессов мирового развития* [16, с. 103].

Мировая история до сих пор не знала подобного глобального и взаимосвязанного мироустройства. В этой связи очевидна необходимость выработки новых подходов к его осмыслению. Глобальная система сложна и динамична, чтобы ее можно было описать в привычных терминах («полюсной», цивилизационной и др.). Классическая парадигма «полюсов силы» уходит постепенно в небытие. Исчезает яркий индивидуальный лидер в мировой политике, приходит групповое лидерство государств (например, в результате событий 11 сентября руководству США, которое на протяжении 90-х годов XX в. безапелляционно отстаивало статус единственной в мировой истории глобальной сверхдержавы, стало очевидно, что в борьбе с международным терроризмом более эффективна модель коллективного сотрудничества в формате международной антитеррористической коалиции), а стратегия внешних политик строится с учетом все большей транснационализации международных отношений (например, для решения проблемы изменения климата сегодня недостаточно политической воли отдельных государств – требуется как активная поддержка бизнеса, так и структур гражданского общества). Процессы, происходящие в современном мире, беспрецедентны по своей сути: «*из состояния “изолированных цивилизаций”... мир превратился в глобальную внутренне взаимосвязанную систему с интенсивными моделями обмена и отчетливыми моделями власти, иерархии и неравенства*» [28, с. 57]. С одной стороны, современное мировое сообщество представляет собой в той или иной степени единую структурную целостность в рамках глобальной системы мира. Однако, с другой стороны, далеко не всегда совместное существование в рамках такой системы

означает для ее функциональных элементов (например, некоторых стран, регионов) единство и целое³. Глобализация, демократизация и глобальная информатизация – это всего лишь направления и способы следования по «пути приближения к отдельным целостностям» [2, с. 9] и при этом формирующие новые модели глобальной стратификации, «в которых одни государства, общества и сообщества все более и более опутываются “глобальным порядком”, в то время как другие все более и более оттесняются на второй план» [28, с. 9]. По мнению зарубежного исследователя А. Хугвелта иерархическая пирамида «центр – периферия» основывается в мировой политике и экономике XXI в. уже не на основе географического фактора, а на основе социального. Классическое пирамидальное строение мира в условиях глобализации и сопровождающих ее процессов трансформируется в иерархические структуры нового поколения, задавая стратификационный характер политической системе мира и «переиначивая» ее структуру и функции.

Международные системы относятся к социальным системам особого типа [29, с. 174], а следовательно, их вполне можно рассматривать как некие социальные общности и, соответственно, применять по отношению к ним социологические термины. Понятие «социальная стратификация» – термин, заимствованный из социологии, в последние годы достаточно активно стал использоваться зарубежными авторами для характеристики мировой системы XXI в. В социологии это понятие означает «структуру общества и отдельных его слоев, систему признаков социального расслоения, неравенства» [12, с. 858–859]. Утверждается, что неравенство неизбежно в любом обществе, а движение, перемещение людей в системе социальной стратификации в соответствии с их способностями и усилиями обеспечивает устойчивость общества. Все эти признаки относятся к международным системам. Идея «глобальной стратификации» мирового социума XXI в. рассматривает неравенство или стратификацию между целыми странами и регионами, определяя отношения между странами в

зависимости от их статуса по шкале стратификации (развитые, развивающиеся, неразвитые). В рамках этой концепции рассматриваются в основном экономические отношения, но также и политические [31]. Так, представляется возможным выделить следующие стратификационные модели современного мира: глобальная социально-экономическая стратификация стран на богатый Север и бедный Юг; глобальная информационная стратификация стран, вызванная неодинаковым доступом к информационным технологиям, информационным доминированием одних государств над другими («цифровое неравенство» (“digital divide”)); глобальная политико-идеологическая стратификация (например, деление стран на демократические, полудемократические и недемократические (согласно терминологии «Дома Свободы»). Таким образом, глобальную стратификацию можно рассматривать как одну из доминирующих характеристик мировой системы XXI в., в которой, на наш взгляд, проявляется сочетание черт классической системы международных отношений (иерархия) и новых глобальных тенденций (глобальный масштаб).

Новое глобальное состояние требует поиска новых форм сотрудничества и нового инструментария для управления всеми указанными процессами. Другими словами, возникает необходимость поиска новых методов управления – глобального управления, при котором мировое сообщество будет способно взять на себя «большую коллективную ответственность в широком спектре областей» [3]. В широком смысле «управление» представляет собой воздействие на структуру некоего объекта с целью его упорядочения и развития [12, с. 934]. Глобальное управление «можно определить как целенаправленную деятельность субъектов мировой политики по воздействию на общемировые процессы в интересах создания благоприятных условий для устойчивого и динамичного развития» [19, с. 199]. Глобальное управление должно в конечном счете способствовать становлению новой мировой системы сотрудничества и взаимопомощи, направляющей современные глобальные процессы в цивилизованные рамки. Мирополитический инструментарий глобального управления должен и «может стать механизмом социального регулирования и относительно справедливого распределения благ» [18].

История международных отношений до конца XX в. свидетельствует о том, что в их основе традиционно главенствовал фактор силы и борьбы за господство. За использова-

³ О разнице понятий целое и целостность пишут в своей монографии Г.П. Анилионис и Н.А. Зотова (2005), указывая на то, что «целостность и целое – вещи не тождественные. Целостность – это просто органическая взаимосвязь существующих в данной реальности элементов, иными словами – это взаимосвязь данного и наличного. Целое же есть завершенная полнота того, в чем это данное оказывается лишь частью. Овладеть восприятием мира как целого практически невозможно. Со всех точек зрения это – сверхзадача» [2, с. 9].

ние главного инструментария – международной политики – шла постоянная борьба между основными участниками международной жизни. Во времена классического Вестфалья международная политика воспринималась как борьба за лидерство и власть, и способствовала в большей степени дезинтеграционным процессам, которые нашли свое максимальное выражение в период «холодной войны» и в последовавших за ней геополитических потрясениях. В арсенале международной политики создание государствами коалиций и союзов, войны и конфликты, классическая дипломатия, миротворчество и т.д. Международная политика наших дней выглядит несколько иначе, чем, когда она была государственно-центристской и, по сути, выйдя за «международные» («межгосударственные») рамки, к началу XXI в. стала мировой политикой. Качественный рост значения мировой политики как инструмента глобального управления связан прежде всего с проблемами коммуникационной среды международной, которые приобрели в настоящее время глобальный характер. Именно наличие и глобальный масштаб новых проблем привели международную политику в состояние кризиса, так как решить подобные проблемы на межгосударственном уровне стало затруднительно. Таким образом, политический инструментарий международной политики оказался недостаточен и не вполне эффективен в современном глобальном мире. В качестве примеров провала международной политики в конце XX – начале XXI в. можно привести события 11 сентября 2001 г., войну в Афганистане, войну в Ираке 2003 г., войну в Грузии 2008 г. и т.д. Глобальный характер новых вызовов и угроз заставляет участников мирополитических процессов действовать сообща: «Ни одно государство, ни одна организация не могут решить всех проблем в одиночку. Но вместе с тем ни одно государство не должно думать, что другие решат их за него <...> Сделать XXI в. более безопасным и более справедливым, чем век XX, – это задача, которая требует решительных усилий со стороны каждого государства и каждого человека» [13]. Мировую политику следует представлять как совместную деятельность всех участников мирового политического процесса, которая определяется общими целями и задачами и способствует урегулированию основных проблем современного мирового сообщества. Возвращаясь к первоначальному пониманию «политики» вообще – как «искусства управления» (греч.), мировую политику следует понимать как особое искусство управления глобальными

процессами, как новую парадигму управления. Рассмотрим эту парадигму более подробно.

Вопрос о соотношении международной политики и мировой требует более детального анализа. Если говорить объективно, то в современном мире активно предпринимаются попытки их комбинирования (примером такой комбинации может послужить концепция гуманитарной интервенции). Однако, на наш взгляд, в первую очередь мировую политику от международной отличает ее мультиакторность и многоаспектность сферы деятельности.

Как уже отмечалось, основным институтом управления международной политики было национальное государство, которое посредством создания союзов и коалиций, двусторонних и многосторонних связей, поддерживало баланс сил и интересов в международной системе, обеспечивая тем самым определенный порядок и стабильность. В современных условиях национальное государство продолжает оставаться одним из ключевых элементов системы глобального управления. Однако процесс глобализации, безусловно, вносит радикальные перемены в положение государств. Представляется возможным говорить о двух формах участия государства в глобальном управлении: [18]

1) непосредственная форма: касается крупных держав, которые благодаря колоссальным ресурсам могут оказывать в одностороннем порядке значительное влияние на процесс принятия решений, относящихся к различным региональным или глобальным проблемам. Прежде всего речь идет о Соединенных Штатах Америки, которые в конце XX – начала XXI в. все более активно реализовывали и продолжают реализовывать стремление регулировать и направлять (в отдельных случаях – применяя силу) ход мировой политики и экономики, игнорируя порой международное право, мнение ООН и всего мирового сообщества.

2) опосредованная форма: большинство государств участвуют в глобальном управлении опосредованно через межправительственные организации, которые они формируют, и законам и нормам которых подчиняются. «Качественное состояние международных организаций, которые стремятся осуществлять глобальное управление, существенно зависит от качественного состояния его членов – отдельных государств» [35, с. 13].

Тем не менее в рамках новой системы государства вынуждены адаптироваться к изменчивому, взаимосвязанному и взаимозависимому миру, в котором не существует больше

четкого деления между внешними и внутренними делами (например, появляются новые типы государств – виртуальные государства, микрогосударства и т.д.). Государственная власть вынуждена преобразовываться, все чаще и все в большем объеме передавая часть своих функций наднациональным структурам, разделяя с этими структурами свои управленческие функции и создавая новые модели мирополитического управления.

Международные межправительственные организации «содействуют мировому управлению и интеграции, повышая внимание к коллективным проблемам политики в экономике, экологии и социальной защите в отличие от традиционного внимания к межгосударственным отношениям» [20, с. 16]. Единственной международной организацией на сегодняшний день, функциональная деятельность которой охватывает практически все государства современного мира, по-прежнему является Организация Объединенных Наций, провозгласившая в своем Уставе задачу быть «центром для согласования действий наций в достижении общих целей» [27]. Главная цель ООН – сохранение мира во всем мире, предупреждение и урегулирование конфликтов. Уже в первый период существования ООН была распространена ее оценка как первой ступени к созданию единого мирового правительства, что в дальнейшем получило развитие в трудах российских и зарубежных мыслителей [22, с. 11]. За более чем полвека своего существования ООН внесла огромный вклад в обеспечение приоритета правовых норм в международных делах. Она инициировала сотни международных конвенций, договоров и соглашений, которые касаются широкого спектра проблем: сохранения окружающей среды, международной торговли, защиты прав человека и т.д. Специализированные учреждения ООН, различные комитеты, комиссии стараются регулировать международные взаимодействия во всех сферах общественной жизни. Для многих малых стран, особенно развивающихся, ООН является единственной возможностью обнародовать свои интересы и проблемы. Заслугой ООН является также то, что она фактически выработала принципы глобального управления: коллективное принятие решений правительствами и неправительственными организациями, консенсус как способ этого коллективного решения. «Деятельность ООН многогранна, универсальна. Она способствует созданию системы управления, призванной контролировать состояние “международных общественных благ”»

[18, с. 4]. В арсенале инструментов ООН по сохранению мира важное место занимает концепция управления конфликтами, подразумевающая три метода урегулирования конфликтов: предупреждение конфликтов (превентивная дипломатия); миротворчество (включает операции по поддержанию мира и принуждению к миру); миростроительство (постконфликтное налаживание мирной жизни). Организация Объединенных Наций содействует укреплению безопасности в мире путем устранения первопричин войны. В комплекс мер по предотвращению конфликтов входят: раннее предупреждение, дипломатические контакты, разоружение, превентивное развертывание и, когда это необходимо, использование санкций. Эффективная деятельность по предотвращению конфликтов предполагает устранение факторов структурного характера, в силу которых общество в той или иной стране оказывается предрасположенным к конфликту.

Значительный вклад в глобальное управление в рамках новой мировой системы вносят и региональные межправительственные организации (Европейский союз, Экономическое сотрудничество стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АПЕК), Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА), Южноамериканский общий рынок (МЕРКОСУР) и др.). Эти организации являются механизмом сотрудничества стран-членов в разных областях общественной жизни, концентрирующим ресурсы стран-членов для достижения каких-либо общих целей. Косвенно поддерживая политическую глобализацию, региональные межправительственные организации способствуют формированию более эффективного глобального управления. Во-первых, наличие крупных региональных структур, объединяющих большие, средние и малые государства, облегчает достижение компромисса в процессе принятия решений на региональном, а затем и на глобальном уровне. Во-вторых, возрастают возможности опосредованного участия малых государств в глобальном управлении, повышаются их шансы на реализацию своих интересов [18, с. 6–7].

Важно отметить, что интеграционные взаимодействия сопровождаются созданием институтов – над- и транснациональных организаций, в рамках которых эти взаимодействия и происходят. Институты, обеспечивающие развитие интеграции, представляют собой новые явления, так как обладают определенной правосубъектностью в рамках международного права, влияют на поведение и формирова-

ние интересов политических акторов и создают условия для мирового порядка, в отличие от анархии, так как представляют собой определенный свод правил поведения и взаимодействий.

Можно сказать, что международные институты, обладающие определенной степенью наднациональности, создают совершенно новую среду для взаимодействия государств, и, прежде всего, взаимодействия политического характера. Таким образом, в отличие от классических международных организаций, которые могут быть распущены, если интересы государств-членов изменятся, наднациональные институты представляют собой, помимо всего прочего, устойчивую форму политической интеграции государств. Здесь также необходимо отметить, что на современном этапе классических международных организаций как форм политического сотрудничества остается все меньше, так как многие из них трансформируются в институты ввиду накопленного в их рамках опыта взаимодействия государств-членов, утвердившихся механизмов и правовых основ такого взаимодействия.

Современную интеграцию можно рассматривать как инструмент мировой политики при помощи которого мировое сообщество пытается решать глобальные проблемы («вызовы» глобализации), поскольку добровольное и взаимовыгодное объединение акторов способствует как раз становлению системы глобального управления. Для эффективного использования властных полномочий в мировом масштабе необходимо тесное взаимодействие между акторами мировой политики, четкая координация их действий, а также разработка общих норм и правил. Таким образом, сама мировая политика содержит в себе интеграционные начала. И сегодня, в начале XXI в., назрела необходимость в глобальной интеграции для решения глобальных проблем. Однако на данном этапе развития современного мира это представляется весьма затруднительным, поскольку развитые страны не могут предложить равные условия участия остальным государствам в процессах глобализации. В последние годы индустриальными державами активно обсуждается проблематика «развития», основное содержание которой заключается в финансовой и иной помощи развивающимся странам в обмен на «благое управление» (good governance), «верховенство закона» (rule of law), экономические реформы, соблюдение экологических стандартов и т.п. Но эта политика сопровождается значительными потрясениями для раз-

вивающегося мира и приводит к серьезным кризисам как в социальной, так и в экономической сфере. К тому же зачастую подобная помощь способствует глубокой зависимости государств от более сильных «партнеров». А при современном распространении принципов демократии (свободы и равенства) развивающиеся страны не соглашаются быть на вторых ролях. Поэтому, стремясь активно участвовать в мировой политической жизни, они пытаются создать свою систему мирового устройства, усиливая глобальную стратификацию мировой системы.

Важную роль в современных мирополитических процессах все больше играют так называемые глобальные форумы (G8, G20, Давосский форум, БРИК и др.). Главной отличительной чертой этих структур является их неформализованный (с точки зрения международного права) характер, т.е. они не обладают такими необходимыми признаками международной организации, как Устав и постоянно действующие органы управления. Однако их значимость в мировой политике постоянно возрастает, так как на регулярно проводимых саммитах и иных формах встреч обсуждаются и согласовываются позиции участников, которыми являются ведущие страны мира. Данный формат международных встреч способствует повышению эффективности управления глобальными процессами, так как именно этот формат дает возможность выработать новые механизмы согласования позиций ведущих стран по решению глобальных проблем современности. «Поэтому можно говорить, что в XXI в. наметилась тенденция к объединению мира, созданию мировой политической и экономической системы, которая будет не просто глобальной по своей сути, а будет иметь систему управления» [15]. В современном мире подобный неформальный формат встреч становится все более распространенным. Вслед за «Большой восьмеркой» была основана группа БРИК (Бразилия, Россия, Индия и Китай), первый саммит которой состоялся в 2009 г. На наш взгляд, термин «БРИК» имеет важное мирополитическое содержание, поскольку без деятельного участия стран БРИК не могут эффективно решаться такие глобальные проблемы, как международный терроризм и транснациональная преступность во всех ее проявлениях, экологическая деградация и изменение климата, продовольственная и энергетическая безопасность.

Мировой кризис создал условия для появления еще одного неформального форума – «Группы двадцати» – путем расширения состава

ва участников «Большой восьмерки» за счет развивающихся стран (страны Азии, Латинской Америки, ОАЭ, Южная Африка, а также Китай, Индия, Бразилия). Таким образом, мы можем говорить о существовании в современной мировой структуре еще одного важного элемента управления – неформальных международных институтов, деятельность которых, по мнению российского исследователя Ю. Косова, «делает наш мир более предсказуемым, более управляемым» [15].

В этой связи представляется интересным замечание французского исследователя Т. де Монбриаля о том, что сегодня перед мировым сообществом стоит задача адаптации существующих государственных и межгосударственных институтов, системы управления ими к новым глобальным реалиям. В противном случае ученый прогнозирует «наступление катастроф» [21]. Кроме того, исследователь предлагает отличать понятие «управляемость» от понятия «управление», так как оно «предполагает использование совершенно новых методов. Это означает, что нужно двигаться путем проб и ошибок, эмпирически. Сегодня создано и реально существует множество разных механизмов международного регулирования – «Группа восьми», «Группа двадцати», «Группа четырнадцати», Совет Безопасности ООН, пятерка ядерных держав. Но действия этих механизмов будут оправданными лишь в том случае, если их участники более основательно продумают их формы и цели» [21]. Таким образом, речь идет о создании и практическом применении мирополитического инструментария на основе существующих институтов управления. Такой вариант глобального управления в современной научной литературе получил название «модель корпоративного управления», при которой «к коллективным усилиям государств по решению глобальных проблем и планированию глобального развития присоединятся и наиболее значимые частные акторы (крупнейшие транснациональные корпорации, международные неправительственные организации и др.)» [3]. Другими словами, тенденция последних лет сводится к тому, что под «глобальной управляемостью» [15] подразумевают не просто создание единого мирового правительственного органа (мировое правительство) или передачу управленческих функций какому-либо одному актору (национальному государству или международной организации), а согласованную координацию действий всех ключевых элементов мировой системы.

Активными участниками управления в современном мире являются различные негосударственные, транснациональные организации и силы, которые действуют независимо от государств. Происходит «транснационализация» (термин Дж. Ная-мл. и Р. Кеохейна) всей системы мира. Разворачиваются процессы, в ходе которых отношения на мировой арене, осуществляемые правительствами национальных государств, дополняются отношениями между частными лицами, группами и обществами. По мнению Дж. Ная и Р. Кеохейна, многообразие участников, видов и «каналов» взаимодействия между ними вытесняет государство из центра мирового общения, способствует трансформации такого общения из «интернационального» (межгосударственного) в «транснациональное» (т.е. осуществляемое помимо и без участия государств) [14, с. 229]. Распространение термина «глобальное гражданское общество» отражает объективно существующую реальность. В конце XX в. действительно сформировалась «транснациональная» сфера общественного и политического участия, в которой группы граждан, общественные движения и индивиды вовлечены в диалог, дискуссии, обсуждения, конфронтацию и переговоры друг с другом, с правительствами и с бизнесом. Конечно, элементы транснациональной неправительственной сферы существовали и ранее (например, первые НПО появились еще в середине XIX столетия). Новым фактором является количество и масштаб деятельности современных международных и транснациональных институтов. Количественный рост транснациональных институтов последних лет принято даже называть «взрывом» или «революцией» [25].

Во многом этот количественный рост международных институтов гражданского общества стал возможен в результате волн демократизации. В результате третьей волны демократизации впервые в мировой истории появились реальные предпосылки для формирования «глобального гражданского общества» на основе базовых принципов либеральной демократии. Зарождение современного гражданского общества неотделимо от процесса демократизации: «Как свидетельствует мировой опыт, развитое гражданское общество является как источником, так и следствием политической и гражданской активности общества, образуя прочный фундамент демократии. Однако становление гражданского общества связано не столько с развитием демократии, сколько с формированием устойчивых демократических традиций и культуры, основанной на уважении

прав меньшинства и отдельной личности, толерантности, социальной ответственности» [4, с. 166]. Идея «глобального гражданского общества» не нова и берет начало в концепциях мирового гражданства, международного сообщества, мирового общества. Ее истоки можно обнаружить, например, в концепции мирового гражданства И. Канта. В рамках этого концепта он соединял граждан и государство в высшее республиканское содружество государств, которое называл «универсальным гражданским обществом». Позднее идею формирования международного общества в одной из своих работ разработал Х. Булл. Согласно его теории, «для того, чтобы международное сообщество превратилось в международное общество по типу внутригосударственного, надо, чтобы государства в своих взаимоотношениях, в своем поведении на международной арене руководствовались теми же принципами, которым они следуют внутри своего общества, принципам либеральной демократии» [32]. С точки зрения представителей транснационалистического подхода Р.О. Кеохейна и Дж. Ная-мл., современная мировая система предстает именно как «глобальное гражданское общество», в котором представлены «все виды политического взаимодействия между важными акторами <...>, где важным актором является автономный индивид или организация, контролирующая значительные ресурсы и участвующие в политических отношениях с другими акторами вне государственных границ» [14, с. 244]. Однако, на наш взгляд, нарождающееся «глобальное гражданское общество» является лишь частью новой многомерной системы, поэтому не следует его полностью отождествлять с ней.

НПО не являются единственными участниками международной общественной деятельности. По мнению итальянского исследователя А. Мартинелли, в число элементов современного гражданского общества входят «транснациональные сообщества, транснациональные неправительственные организации, коллективные глобальные движения, сетевые группы по интересам, международные научные и профессиональные ассоциации, через которые индивиды достигают социальных и политических договоренностей на уровне всего мира» [20, с. 7]. Эти акторы активно взаимодействуют с государственными структурами и международными организациями, а в дальнейшем будут играть важную роль «в формировании будущего мирового общества и станут атрибутом демократического глобального управления (*governance*), возвращая интернациональное пуб-

личное пространство, широко разделяемые ценности, сознание общности человечества» [20, с. 7].

При этом все элементы глобального гражданского общества имеют одну общую черту: в системе пространственно-временных координат глобализации они осознанно самоорганизуются и осуществляют свою деятельность на наднациональном уровне.

В отличие от классических гражданских обществ, глобальное гражданское общество появилось в условиях отсутствия глобальной формы государства. Поэтому, хотя глобальное гражданское общество и вынуждено взаимодействовать с государствами, оно отрицает главенство государства или их суверенных прав над «суверенными» правами граждан и сообществ. Глобальное гражданское общество также является побочным продуктом действий (или бездействия) государств. Правительственные институты иногда выступают в роли катализаторов действий глобального гражданского общества, например, организуя глобальные конференции, подобные глобальному форуму 1992 г. в Рио-де-Жанейро и последующим конференциям в Киото, Йоханнесбурге, на Бали и в Копенгагене.

Важной для становления глобального гражданского общества является такая инициатива ООН, как создание Глобального договора. Суть этого договора состоит в объединении мировых бизнес-структур с учреждениями ООН и гражданским обществом в поддержку девяти универсальных принципов в сферах прав человека, труда и окружающей среды [11]. Посредством коллективных действий в таком формате Глобальный договор намеревается продвинуть на более высокий уровень ответственную гражданскую позицию корпораций, для того чтобы представители транснационального бизнеса приняли активное участие в решении проблем глобализации. Сегодня сотни компаний из разных регионов мира и организации гражданского общества участвуют в Глобальном договоре. Оценивая значимость Договора, следует отметить его важное значение для становления «глобального гражданского общества». Фактически эта международная инициатива предлагает новый формат взаимодействия основных элементов глобального гражданского общества: неправительственных организаций, транснациональных корпораций и международных общественных структур.

Многие исследователи отмечают объективную потребность мировой политической системы XXI в. в глобальном гражданском об-

ществе. Так, например, Э. Флорини и П. Симмонс указывают на то, что «мир остро нуждается в том, кто бы действовал и выступал как «глобальная совесть» и представлял широкие общественные интересы, которые не всегда становятся предметом внимания конкретных территориальных государств или откровенно игнорируются ими» [33, с. 4]. В арсенале современных гражданских структур мощный информационный инструментарий: Интернет, глобальные СМИ. Для многих гражданских организаций – от незначительных объединений, созданных для решения мелких проблем, до крупных НПО – возможность доведения их информации непосредственно до населения посредством Интернета открыла новые пути влияния на глобальное общественное мнение и мобилизацию общественности в поддержку проводимых ими кампаний. В результате гражданские структуры современного демократического сообщества получили возможность прямо апеллировать к широкой мировой общественности, создав беспрецедентную в мировой истории транснациональную аудиторию.

Другим важным преимуществом глобальных структур гражданского общества является его эффективность на глобальном уровне, благодаря узкой специализации их деятельности. Действительно, если мы посмотрим на проблемное поле какого-либо национального государства или крупной международной организации, то увидим широкий спектр проблем, требующих своего решения. Что же касается общественных структур, они, как правило, направляют свою деятельность на решение конкретной задачи (например, одной из задач Всемирного фонда дикой природы в России является восстановление популяции амурского тигра). Кроме того, «такие организации в отличие от государства часто способны к широкой мобилизации общественности, эффективному привлечению экспертов, а также дополнительных финансовых и информационных ресурсов для решения проблем» [24, с. 163].

Таким образом, мировая политика в современной науке и практике имеет многоплановое значение. Мировая политика – это и новое научное направление, и новая востребованная научная дисциплина, и новая философия и инструмент управления глобальным социумом XXI в. Современная система мирополитических взаимодействий имеет сложный характер, совмещая в себе фундаментальные основы Вестфальской системы международных отношений (принцип государственного суверенитета, баланс сил, национальные интересы) и новые

тенденции мирового развития XXI в. (глобализация, информатизация и т.д.). Глобальные по форме и содержанию процессы в экономической, политической, социальной сферах требуют согласования интересов если не всех, то большинства участников мирополитических и мирэкономических процессов. В результате сложилась двоякая ситуация. С одной стороны, арсенал международной политики как инструмента управления международными взаимодействиями (в их числе создание межгосударственных союзов и коалиций, мировые войны и локальные конфликты, двустороннее и многостороннее сотрудничество национальных государств, традиционная дипломатия и т.д.) теряет в этих условиях свою актуальность, так как во многих случаях представляется неэффективным. С другой стороны, вполне вероятно, что на этой новой глобальной волне государственно-центричная модель управления получит новое дыхание, приобретая другие формы. Проблема соотношения международной и мировой политики требует дальнейшего изучения. Однако очевидна преэминентность этих двух инструментов.

В современном мире мировая политика представляет собой инструмент политического действия не только государств, но всех современных акторов (межправительственных организаций, международных неправительственных организаций, транснациональных корпораций и др.). Возросшее многообразие современного мира порождает необходимость формирования новой парадигмы политической культуры, которая предполагает вынесение на первый план в вопросах политики не проблему соперничества и господства (как это было во времена международной политики), а проблему властного распоряжения и разумного управления мировым социумом [10, с. 11]. Целью мировой политики как инструмента глобального управления является согласование интересов большинства участников глобальных процессов (как государственных, так и негосударственных), обеспечивающее предупреждение возможных структурных беспорядков и решение существующих проблем. Прежде всего представляется возможным говорить о формировании новой мирополитической модели управления – «государство – бизнес – гражданское общество», которая была сформулирована в рамках концепта электронного государства (e-government), а также просматривается в рамках концепции устойчивого развития. Отчасти эта модель активно и весьма успешно реализуется ООН в рамках Глобального договора, в национальных и региональных проектах электрон-

ных правительств ряда государств и регионов (электронное правительство США, Франции, Великобритании, e-Europe и т.д.). Что касается методов управления, то в арсенале мировой политики сегодня уже сформировался достаточно богатый инструментарий, в числе которого как классические, так и новые методы:

- создание союзов, коалиций государств, согласование позиций национальных государств на двусторонней и многосторонней основе, классическая и электронная дипломатия, информационные войны и т.д. (*национальные государства*);
- миротворчество, миростроительство, классическая и электронная дипломатия, интеграция, транснационализация и т.д. (*международные организации*);
- диалоги, обсуждения, переговоры, культурный обмен, информационные технологии, Интернет, глобальные СМИ и т.д. (*институты гражданского общества*).

Безусловно, это лишь общий обзор мирополитического инструментария. Представляется, что потенциал мировой политики как инструмента глобального управления огромен и во многом пока не раскрыт, еще требуют своей конкретизации методы и формы реализации управленческой функции мировой политики.

Литература

1. Актуальные вопросы мировой политики в XXI веке: сб. науч. тр. / под ред. В.С. Ягья. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006.
2. Анилионис Г.П., Зотова Н.А. Глобальный мир: единый и разделенный. Эволюция теорий глобализации. М.: Международные отношения, 2005.
3. Барабанов О.Н. Глобальное управление как тема для научного анализа. URL: http://globalantirisa.ru/reports.php?cat_id=31&doc_id=13 (дата обращения: 13.05.2010).
4. Баранов Н.А. Современная демократия: эволюционный подход. СПб.: Балт. гос. тех. ун-т., 2007.
5. Барановский В. Трансформация мировой системы в 2000-х годах // *Международные процессы*. 2010. Т. 8. № 1(22). URL: <http://www.intertrends.ru/twenty-second.htm> (дата обращения: 15.05.2010).
6. Бжезинский З. Мировое господство или глобальное лидерство. М.: Международные отношения, 2005.
7. Богатуров А. Лидерство и децентрализация в международной системе // *Международные процессы*. 2006. Т. 4. № 3 (12).
8. Богатуров А.Д. Системная история международных отношений в четырех томах. 1918–2003. События и документы. М.: НОФМО, 2003–2004. Т. 4.
9. Вайнштейн Г. Новый миропорядок? URL: http://www.prof.msu.ru/publ/book5/c5_1_1.htm (дата обращения: 15.05.2010).
10. Васильева Н.А., Межевич Н.М. Философские аспекты мировой политики. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006.
11. Глобальный договор – клуб спонсоров планетарной политики. URL: http://old.computerra.ru/online/influence/14347/for_print.htm/ (дата обращения: 15.05.2010).
12. Даниленко В.И. Современный политологический словарь. М.: NOTA BENE, 2000.
13. Декларация и Программа действий Форума тысячелетия «Мы, народы: укрепление Организации Объединенных Наций в двадцать первом веке». URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N00/600/75/PDF/N0060075.pdf?OpenElement> (дата обращения: 22.03.2010).
14. Кеохейн Р.О., Най Дж.С. (мл.) Транснациональные отношения и мировая политика // *Теория международных отношений: хрестоматия* / под ред. П.А. Цыганкова. М., 2002.
15. Косов Ю. С последнего саммита «Большой восьмерки» начался реальный отсчет XXI века. URL: http://www.rusline.ru/news_rl/2010/06/28/yurij_kosov_s_poslednego_sammita_bolshoj_vosmerki_nachalsya_realnyj_otschet_xxi_veka/ (дата обращения: 30.08.2010).
16. Лагутина М.Л. Мировая политическая система как система глобальной стратификации. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2010.
17. Лебедева М.М., Мельвиль А.Ю. «Переходный возраст» современного мира // *Внешняя политика и безопасность современной России: 1991–2002: хрестоматия*. В 4 т. М., 2002. Т. 1.
18. Лебедева Т.П. Каким быть глобальному управлению? // *Вестник Московского университета. Сер. 21. Управление (государство и общество)*. 2006. № 1. С. 1–12.
19. Малаян Р.Э. Глобальное управление в XXI столетии: поиск оптимальной модели // *Мировая политика: вызовы и альтернативы: сб. науч. ст. МГИМО(У) МИД России* / под ред. М.М. Лебедевой. Вып. 1. М.: МГИМО, 2003.
20. Мартинелли А. Рынки, правительства и глобальное управление: доклад XV Конгрессу. Ч. 1 // *Социологические исследования*. 2003. № 1. С. 16–28.
21. Монбриаль Т. «Мир стал многополярным, разнородным и глобальным...» // *Международные процессы*. 2009. Т. 7. № 3 (21). Сентябрь – декабрь. URL: <http://www.intertrends.ru/twenty-first/006.htm> (дата обращения: 15.05.2010).

22. Морозов Г.И. Мировое сообщество и надгосударственность // Мировая экономика и международные отношения. 1997. № 5. С. 5–16.
23. Розенау Дж. Взаимопересечение политик. Очерки о взаимопроникновении национальной и международной систем // Социально-гуманитарные знания. 1999. № 3. С. 246–258.
24. Степаненко В.П. Глобальное гражданское общество: концептуализации и посткоммунистические интерпретации // Социология: теория, методы, маркетинг. 2005. № 2.
25. Стецко Е.В. Неправительственные организации: новая модель межгосударственного сотрудничества // Региональные организации: современные тенденции развития: сб. статей / под ред. Е.С. Мелкумян. М., 2003. С. 48–60.
26. Страус А.Л. Униполярность. Концентрическая структура нового мирового порядка и позиция России // Полис. 1997. № 2. С. 27–44.
27. Устав Организации Объединенных Наций. URL: <http://www.un.org/russian/document/basicdoc/charter.htm> (дата обращения: 15.03.2010).
28. Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э. и др. Глобальные трансформации. Политика, экономика, культура. М., 2004.
29. Цыганков П.А. Теория международных отношений. М.: Гардарика, 2006.
30. Шаклеина Т.А. «Порядок после Грузии» или «порядок при Обаме»? URL: <http://intertrends.ru/eighteenth/002.htm> (дата обращения: 15.05.2010).
31. Bartle P. Global Stratification. Inequality on a World Scale. URL: <http://www.scn.org/cmp/modules/ine-glb.htm> (дата обращения: 15.05.2010).
32. Bull H. The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics. N. Y.: Columbia University Press, 1995.
33. Florin A., Simmons P.J. What the World Needs Now? // A. Florini (ed.). The Third Force. The Rise of Transnational Civil Society. Washington, 2002.
34. Krauthammer Ch. The Unipolar Moment // Foreign Affairs. 1991. Summer. P. 23–24.
35. Putzel J. Globalization, Liberalization, and Prospects for the State // International Politic Science Review. 2005. Vol. 26. No. 1. January. P. 5–16.